

Из окна спортплощадки доносились едва слышные возгласы и одобрителный гул — парни играли в футбол.

Возможно, шум заглушал всё остальное, но Пэй Цинюэ, напяливший шумоподавляющие наушники, даже не поднимал головы, целиком и полностью сосредоточившись на решении сборника заданий по естественным наукам.

— Главный школьный задира... то есть зубрила?

Мэн Хуайсюй подошёл и без лишних слов сдернул с него один наушник.

Только тогда Пэй Цинюэ замер и повернулся к нему.

В ту самую секунду, когда их взгляды встретились, сердце Мэн Хуайсюя ёкнуло, и он тут же почувал неладное.

Прямой взгляд Пэй Цинюэ... изменился.

Хотя было трудно сказать, что именно в нём поменялось, он явно кардинально отличался от того мягкого и снисходительного взгляда, что был в прошлую пятницу.

Если говорить точнее, это был момент, когда всё вернулось на круги своя.

Взгляд был ледяным — таким, которым пытаются изо всех сил делать вид, что Мэн Хуайсюй не существует, словно он — пустячная помеха под ногами.

— Эй, это что за выражение лица?

— ...

— Чего скривился, будто кто-то тебе миллион должен? Что-то случилось?

Мэн Хуайсюй с глухим стуком швырнул на стол пакет с жареными пирожками и попутно сдернул с него второй наушник.

Пэй Цинюэ не произнёс ни звука, просто ткнул в лежащий на столе планшет, прибавил громкость онлайн-урока, и на паузе стоявшие занятия по физике вновь занудно возобновились.

Какого чёрта... характер отрастил?

Мэн Хуайсюй от злости даже усмехнулся и громко щелкнул пальцами прямо перед носом Пэй Цинюэ.

— Пэй Цинюэ, тут перед тобой живой человек стоит, а ты прикидываешься слепым?

Всё словно вернулось к самой отправной точке.

Снова перед ним был тот Пэй Цинюэ, который ни за что на свете не пожелал бы лишний раз взглянуть на Мэн Хуайсюя.

Тот самый зануда, который, как ни крути и какими бы глупостями ни занимался Мэн Хуайсюй, сидел с каменным лицом и игнорировал всех вокруг, а теперь крепко сжимал перьевую ручку и выводил на черновике формулы с глухим шуршанием.

Лишь когда Мэн Хуайсюй бесцеремонно выдернул ручку у него из рук, эти холодные глаза наконец соизволили переместиться на него.

Опасаясь, что тот потянется за запасной, Мэн Хуайсюй проявил молниеносную реакцию и в придачу прижал локтем пенал.

Пэй Цинюэ глубоко вздохнул и наконец заговорил:

— ...Вижу.

Услышав это ледяное слово, состоящее всего из одного слога, Мэн Хуайсюй окончательно взбесился и усмехнулся:

— Видишь — и отлично. А теперь не мог бы твоё высокоблагородие снизить и пояснить, кто это умудрился довести тебя до такого бешенства?

— Верни ручку.

— Ответь — и отдам, слово пацана.

— ...

— Эй, Пэй-Пэй... с чего это ты сегодня решил всем портить настроение?

Похоже, решив играть в молчанку до победного конца, Пэй Цинюэ погасил экран планшета, с грохотом захлопнул рабочую тетрадь и, поднявшись, собрался уходить.

Мэн Хуайсюй среагировал мгновенно, навалился на его плечо и с силой вдавил парня обратно в стул.

Пэй Цинюэ попытался вырваться, но безуспешно, и, кажется, на пределе терпения тихо предупредил:

— Я не злюсь. Ответил. Отпусти.

— По твоей физиономии сейчас ясно видно, что на ней крупными буквами написано: «Меня обидели», да и голос звучит так, будто ты вот-вот разревешься.

— Я же сказал, ничего подобного!

— Ладно, тогда постарайся хотя бы играть убедительнее. Давай выкладывай всё как есть, скоро звонок на большой перерыв.

— ...Больше всего на свете тошнит от таких людей, как ты, Мэн Хуайсюй.

Мэн Хуайсюй изогнул брови, и его пальцы с давящим ощущением легли на те самые губы, что только что изрыгнули столь обидные слова.

В следующее мгновение слегка дрожащая, но горячая рука намертво вцепилась ему в запястье.

В наступившей удушливой тишине в голове Мэн Хуайсюя вдруг мелькнула нелепая мысль: как было бы здорово, окажись Пэй Цинюэ девчонкой.

Семья богатая, ума палата, внешность привлекательная, характер хоть и замкнутый, но управлять легко.

Будь оно так, он бы этого предка просто на руках носил всю оставшуюся жизнь.

В этот самый момент чей-то дрожащий голос ворвался в барабанные перепонки Мэн Хуайсюя.

— Я действительно гей... но не настолько беспринципен, чтобы навязываться первому встречному мужику.

В тот же миг пол пустой аудитории под ногами качнулся, словно при землетрясении силой в десять баллов.

Прежде устойчивая поверхность резко подступила к самым глазам, отчего Мэн Хуайсюя замутило, в голове закружилась голова, а в ушах зазвучал навязчивый гул.

Из-за каких-то слов он оказался настолько дезориентирован, что у него сбился сердечный ритм.

Глаза Пэй Цинюэ покраснели — казалось, он пытался разом выплеснуть всё накопившееся за эти дни унижение и горечь, и, сжав зубы, глухо выплюнул:

— У меня нет лишних денег, чтобы тебя покупать. Это проституция, между прочим, уголовщина. Я не стану опускаться до подобных низостей, так что прекращай заниматься самолюбованием.

Последние слова Пэй Цинюэ произнёс отдельно, с какой-то отчаянной и суровой решимостью.

— И ещё, Мэн Хуайсуй...

— ...

— Ты мне не нравишься. Раньше не нравился, а в будущем — тем более.

Лишь в этот момент стертые из памяти из-за алкоголя воспоминания той ночи осколками острого стекла сложились в единую картину.

В тот день Мэн Хуайсуй напился до бесчувствия, а Ци Шэн, словно затаившаяся ядовитая змея, которая наконец дождалась, пока жертва угодит в сети, тыкал ему в лицо экраном телефона.

Мэн Хуайсуй сквозь туман в голове сообразил, что его снимают, и отмахнулся, как от надоедливой мухи, приказав тому убираться.

Однако Ци Шэн подмигнул приятелю и продолжил запись, задав вопрос с отвратительнейшей интонацией:

— Если Пэй Цинюэ предложит тебе за деньги лечь под него, сколько запросишь? Во сколько обойдётся ночь с тобой голышом?

Мэн Хуайсуй на видео был вусмерть пьян и беззаботно хохотал:

— Наверное... тысяч пять?

— Охренеть, да ты себя ценишь дешевле пареной репы!

— Слышал про оборот за счёт количества? Всё равно этот правильный зубрила, стоит ему разок

подсесть на крючок, начнет таскаться за мной хвостом... Со временем только разбогатею, чёрт с ним.

— Ого, выходит, у тебя ещё и оптовая скидка на месяц? И откуда столько уверенности, что он будет за тобой бегать?

— Ещё бы не быть уверенным... хм... да потому что этот дурачок скоро до беспамятства в меня влюбится.

В конце видео Мэн Хуайсуй беззаботно устроился головой на коленях у Ци Шэна, и они, точно парочка неразлучных поделщиков, всю насмехались над третьим человеком.

Разумеется... это полное презрения видео Ци Шэн в первоизданном виде переслал Пэй Цинюэ.

— Да стоило лишь посмотреть на то, как он на меня смотрит, мажор ты этаким. Слепой бы не заметил такой откровенной тайной страсти.

Те мимолётные изменения во взгляде и были самым неопровержимым доказательством.

В те моменты, когда на уроке он якобы уставился на доску, а сам то и дело бросал на него косые взгляды краем глаза;

И когда при случайном повороте головы их взгляды пересекались, он тут же испуганно отводил глаза, точно перепуганный крольчонок, — Мэн Хуайсуй слишком хорошо знал этот подавленный, осторожный и одновременно пылкий взгляд.

У всех тех, кто когда-то сгорал от любви к нему, был точно такой же взгляд.

— ...Я чуть запястье тебе не пережал, извини.

Сухой, резкий голос извинения вернул Мэн Хуайсю из раздумий в реальность.

Пэй Цинюэ отдернул руку, словно обожжённый током, схватил рюкзак и, не огляраясь, выбежал из пустой аудитории.

Наверное, из-за того, как поспешно он уходил, на столе жалко и одиноко остались лежать его планшет, рабочая тетрадь и та самая ручка, которую отобрал Мэн Хуайсуй.

Мэн Хуайсуй тихо выругался и смиренно принялся разгребать бардак за Пэй Цинюэ.

Фраза из видео про то, что всё понятно по одному лишь взгляду, и правда не была

хвастовством.

Потому что сегодня, в тот самый момент, когда Пэй Цинюэ с напускным холодом встретился с ним взглядом, Мэн Хуайсюй с горьким осознанием понял ещё кое-что.

Как ни маскируй силу чувств, скрыть их невозможно.

Если сложить воедино всю ту бурю, что Пэй Цинюэ поднимал вокруг него в последнее время, ответ лежал на поверхности.

Пэй Цинюэ, этот недостижимый, безупречно чистый отличник параллели, действительно без памяти влюбился в него.

Пусть ситуация повернулась прескверно, от факта не отвертеться: этот упрямец вляпался в него по самые уши.

<http://bllate.org/book/19358/1892564>